

Малавита

Автор:

Тонино Бенаквиста

Малавита

Тонино Бенаквиста

Малавита #1

Увлекательный, полный тонкого юмора роман французского писателя Тонино Бенаквисты принадлежит к лучшим образцам иронического детектива, сочетая жесткость американского «Крестного отца» с тонким, чарующим французским ароматом. В 2013 году этот международный бестселлер получил наконец киновоплощение; постановщиком одноименного фильма выступил Люк Бессон, главные роли исполнили Роберт Де Ниро, Мишель Пфайффер, Томми Ли Джонс.

Итак, семейство Блейков с собакой Малавитой, оставив в Штатах роскошный современный дом, перебралось жить во Францию, в небольшой городок Шолонна-Авре. Вселялись тайком, стараясь не привлекать к себе внимания. На первый взгляд – обычная семья. Запомните главное: если они поселились по соседству, вам надо бежать без оглядки. Ведь на самом деле скромный писатель Блейк – бывший глава мафии, которого власти прячут здесь по программе защиты свидетелей. И вот в городок приезжают люди коза ностры...

Тонино Бенаквиста

Малавита

MALAVITA

by Tonino Benacquista

Copyright © Editions GALLIMARD, Paris, 2004

© А. Беляк, перевод, 2013

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru) (<http://www.litres.ru/>)

Благодарю

Николаса Пиледжи и Геральда Шура. Не говоря о Жан-Юге и Фабрисе

1

Они заняли дом среди ночи.

Другая семья увидела бы в этом начало чего-то нового. Рассвет, с которого начнется вереница новых рассветов. Новая жизнь в новом городе. Редкий

момент, который никак нельзя прожить в темноте.

А вот семейство Блейков вселилось в дом тайком, стараясь не привлекать к себе внимания. Магги, мать, вошла в дом первой, на всякий случай громко стуча каблуками по крыльцу, чтобы прогнать крыс, если те были, прошла все комнаты насквозь и остановилась в погребе, который показался ей чистым и идеально влажным для того, чтобы там созревал круг пармезана и стояли ящики кьянти. Фредерик, отец семейства, исходно недолюбливавший грызунов, предоставил жене свободу действий и обошел дом с карманным фонариком, потом вышел на веранду, где кучей были свалены ржавая садовая мебель, вздувшийся теннисный стол и прочие неразличимые во тьме предметы.

Старшая, семнадцатилетняя дочь, по имени Бэль, поднялась по лестнице и направилась к комнате, которая станет ее спальней, – правильному квадрату, выходящему окнами на юг, с видом на клен и на грядку чудом уцелевших белых гвоздик – они россыпью звезд угадывались в темноте. Она развернула кровать к северной стенке, переставила тумбочку и с удовольствием представила себе, как развесит по стенам афиши, прошедшие сквозь время и границы. От одного присутствия Бэль комната стала вибрировать. Отныне здесь она будет спать, учить уроки, отрабатывать жесты и походку, дуться, мечтать, смеяться, иногда плакать – типичный распорядок ее дня с начала отрочества. Уоррен, младше ее на три года, занял смежную комнату, даже толком не осмотрев ее: для него мало что значили пропорции или вид из окна, – единственно принимались в расчет наличие электророзеток и выделенной телефонной линии. Меньше чем через неделю виртуозное владение компьютерным экраном позволит ему забыть про французскую провинцию, и даже про Европу, и даст ему иллюзию того, что он снова на родине, по ту сторону Атлантики, откуда он приехал и куда когда-нибудь вернется.

Особняк постройки 1900 года из кирпича и нормандского камня отличался от других шахматным узором, идущим вдоль фасада, и резным синим карнизом вдоль крыши, над юго-западным углом которой возвышалось нечто вроде минарета. Завитки кованого железа входной решетки выгодно обрамляли дом, издали напомилавший маленький затейливый дворец. Но в этот ночной час Блейкам было плевать на эстетику, их заботил исключительно комфорт. При всем своем шарме старый камень выдавал возраст здания, да и что могло бы сравниться с ультрасовременным чудом, которым был их прежний дом – в Ньюарке, штат Нью-Джерси, Соединенные Штаты Америки.

Все четверо сошлись в салоне, где без единого слова сняли чехлы, покрывавшие глубокие кресла, диван, низкий столик и разные мелкие, пока еще пустые комоды и шкафчики. Камин из красно-черного кирпича, достаточно широкий, чтобы зажарить в нем овцу, украшала резная доска с гербом, на котором два помещика сражались с вепрем. Фред сгреб с каминной полки процессию деревянных статуэток и отправил их напрямик в очаг. Всякий предмет, который он считал ненужным, вызывал у него желание немедленно его уничтожить.

- Эти кретины опять забыли привезти телевизор, - сказал Уоррен.

- Обещали завтра, - ответила мать.

- Точно завтра или как в прошлый раз? - спросил Фредерик, озабоченный так же, как и его сын.

- Послушайте, вы, нечего смотреть на меня косо каждый раз, когда в этом доме не хватает какого-нибудь предмета. Обращайтесь напрямую к ним.

- Телевизор - это не предмет, мама, это то, что связывает нас с миром, с реальным миром, далеким от этого гнилого сарая в крысиной дыре, полной деревенских засранцев, которые будут маячить у нас под носом, может быть, долгие годы. Телевизор - это жизнь, моя жизнь, это мы, это моя страна.

Магги и Фредерик, внезапно почувствовав вину, не нашли что ответить и не стали придирааться к словесным шероховатостям. Они признавали за Уорреном право на ностальгию. Ему едва исполнилось восемь, когда жизнь заставила их покинуть Соединенные Штаты, и он переживал отъезд тяжелее любого из них. Чтобы сменить тему, Бэль спросила, как называется город.

- Шолон-на-Авре, Нормандия! - ответил Фред, старательно убирая акцент. - Представьте, сколько американцев что-то слышали про Нормандию и не знают, в каком, черт побери, конце света ее поместить.

- За исключением того, что наши парни высадились здесь в тысяча девятьсот сорок четвертом, Нормандия знаменита чем?

- Камамбером, - наугад брякнул отец.

– Камамбер был и в Кань-сюр-Мер, плюс солнце и море, – ответила Бэль.

– И в Париже он был, а то был Париж, – подхватил Уоррен.

У всех остались хорошие воспоминания о приезде в столицу шестью годами раньше. Затем обстоятельства вынудили их перебраться на Лазурный Берег, где они прожили четыре года и где судьба нанесла новый удар, загнав их в Шолонна-Авре, в провинции Эр.

Они расстались и пошли осматривать комнаты, в которые еще не заходили. Фред остановился в кухне, обследовал пустой холодильник, открыл несколько шкафчиков, положил ладонь на стеклокерамическую плиту. Удовлетворившись размерами столешницы – ему требовалась огромная поверхность, если он вдруг решал заняться изготовлением томатного соуса, – он провел рукой по деревянным полкам, по керамической мойке, по плетеным высоким табуретам, схватил несколько ножей, попробовал на ногте, как они заточены. Первый контакт у него всегда шел через осязание. Так он знакомился с домом, так он знакомился с женщиной.

В туалетной комнате Бэль покрасовалась перед великолепным, чуть потускневшим от времени зеркалом в старинной раме красного дерева, с добавлением в виде матового абажура розочкой, откуда торчала голая лампочка. Отныне это отражение станет ее самым верным другом. Магги в это же время настезь распахнула окна спальни, достала из упаковки простыни, стащила сложенные на шкафу одеяла, придирчиво обнюхала их, сочла чистыми и расстелила на кроватях. Один Уоррен ходил из комнаты в комнату и спрашивал:

– Собаку никто не видел?

Названная Фредом Малавитой, пепельно-серая австралийская гончая присоединилась к Блейкам в момент их приезда во Францию. Подарок на новоселье, игрушка, призванная задобрить детей и отвлечь от утраты родины, – вот три причины, заставившие Магги взять в дом эту тонкошерстую псину с ушками торчком. В силу своей поразительной неприметности и скрытности собака прижилась у них без малейшего труда. Она никогда не лаяла, ела скромно, чаще всего по ночам, и бо?льшую часть времени спала, обычно в подвале или котельной. Раз в день ее принимали за мертвую, а в остальное

время думали, что она потерялась. Малавита жила по-кошачьи и никто и ни в чем не мог ее упрекнуть. Уоррен в конце концов, как и предполагал, обнаружил ее в подвале, между готовым к подключению бойлером и новенькой стиральной машиной. Псина, как и все остальные, нашла себе место – и уснула первой.

* * *

Жизнь на французский манер ничего не изменила в ритуале завтрака. Фред вставал рано, смотрел, как дети, набив брюхо, уходят, благословлял их, при необходимости выдавал прибавку карманных денег или ценный жизненный совет, а потом со спокойной совестью возвращался в постель, как только чада исчезали за порогом. За свои почти пятьдесят лет Фред Блейк ни разу не испытал потребности начать день до полудня и мог по пальцам одной руки сосчитать те дни, когда его вынуждали отступить от правила. Хуже всех был день похорон Джимми, его товарища по оружию в самом начале карьеры, к которому никто не посмел бы проявить неуважение, даже посмертно. Этот болван не нашел ничего лучше, чем велеть похоронить себя в двух часах езды от Ньюарка, с тем чтобы церемония назначалась на десять утра: мучительный день от начала до конца.

– Ни сухих завтраков, ни тостов, ни арахисового масла, – сказала Магги, – вам придется довольствоваться тем, что я принесла сегодня утром из булочной на углу: оладьями с яблоками. Я пойду за продуктами днем, а пока избавьте меня от рекламаций.

– Все прекрасно, мам, – сказала Бэль.

С брезгливым видом Уоррен схватил оладью.

– Кто-нибудь может мне объяснить, почему французы со своей хваленой кухней не сумели изобрести донатс? А ведь, казалось бы, ничего сложного, та же оладина с дыркой посередине.

Полусонный, но уже с тоской ожидающий новый день, Фред спросил, сильно ли влияет дырка на вкус.

– Они теперь готовят куки, – сказала Бэль. – Я пробовала, выходит неплохо.

- Ты называешь это куки?

- Я приготовлю в воскресенье и донатсы, и куки, - сказала Магги, чтобы все отвязались.

- А известно, где находится школа? - спросил Фред, как бы интересуясь организацией ежедневной жизни, которая всегда как-то шла помимо него.

- Я дала им карту.

- Отвези их.

- Да мы сами найдем, мам, - сказал Уоррен, - без карты найдем даже быстрее. У нас как радар в голове: стоит оказаться на любой улице мира с ранцем за спиной, и тут же изнутри какой-то голос предупреждает: «Не ходи туда, там школа», - и ты видишь все больше и больше фигурок с ранцами на плечах, которые идут туда же, куда и ты, и все исчезают в какой-то темной пасти. Это закон физики.

- Если б ты на занятиях был таким активным, - заметила Магги.

Это был сигнал к отходу. Все поцеловались, условились встретиться к вечеру: новый день мог начинаться. Каждый, по различным причинам, воздержался и не задал тысячу вопросов, готовых сорваться с губ, принял ситуацию так, как будто в ней еще было подобие логики.

Магги и Фред остались одни во внезапно опустевшей кухне.

- А ты что будешь делать днем? - спросил он первым.

- Ничего особенного. Похожу по городу, посмотрю на все, на что можно посмотреть, запомню, где какие магазины. Вернусь к семи с покупками. А ты?

- Ну, я...

За этим «Ну, я...» она услышала молчаливый стон, фразы, которые она знала наизусть, так что ему и не надо было их произносить: Ну, я весь день буду ломать голову над тем, какого черта мы здесь делаем, а потом буду притворяться, как обычно, только вот кем притворяться, вот в чем проблема.

- Попробуй не шляться весь день в халате.

- Из-за соседей?

- Нет, просто для порядка.

- Я и так в порядке, Магги, просто немного не в фазе, мне всегда надо больше, чем тебе, времени, чтоб устроиться.

- А что мы говорим, если наткнемся на кого-нибудь из соседей?

- Не знаю, пока - улыбаемся, у нас есть еще пара дней... Придумаем...

- Квинтильяни особенно настаивал на том, чтоб мы не упоминали про Кань, надо говорить, что мы из Ментона, я детям несколько раз повторила.

- Как будто без него, дурака, не догадались бы.

Чтобы избежать скучной дискуссии, Магги пошла наверх одеваться, Фред убрал со стола, для очистки совести. В окно он увидел сад при дневном свете, ухоженную лужайку, на которую упали несколько кленовых листьев, зеленую металлическую скамейку, дорожку, посыпанную гравием, сарайчик, в котором виднелся заброшенный гриль. Он вдруг вспомнил о своем ночном визите на веранду и о той странной, скорее приятной атмосфере, которую он там почувствовал. Он должен был снова увидеть ее при свете, отложив все дела. Да к тому же все его дела давно кончились.

Стоял март, день обещал быть мягким и теплым. Магги на минуту задумалась, прежде чем выбрать соответствующий наряд для первого выхода в город. Брюнетка с очень темными волосами, с матовой кожей, с черными глазами, она чаще всего носила одежду коричнево-охристых тонов, она выбрала бежевые брюки типа легинсов, серый пуссер с длинными рукавами, крупной вязки свитер

из хлопка. Она спустилась по лестнице с небольшим рюкзачком на плече, минуту поискала глазами мужа, крикнула: «До вечера!» – и, не получив ответа, покинула дом.

Фред вошел на веранду, теперь залитую солнцем, и узнал тонкий запах мха и сухого дерева: куча дров, оставленная бывшими съемщиками. Занавески застекленной стены расчерчивали комнату полосами света, – Фред увидел в этом словно божественную пулеметную очередь и, шутки ради, подставил под нее свое тело. Закрытая от стихий, но открытая в сад, комната по площади была никак не меньше сорока метров. Он направился в угол, где были сложены какие-то вещи, и предпринял попытку разобрать эту грудку старья, чтобы выиграть еще больше пространства и света. Он открыл двойную застекленную дверь и выкинул прямо на гравиевую дорожку забытые сувениры неизвестной семьи: допотопный телевизор, посуду и кастрюли, захватанные телефонные справочники, велосипедную раму без колес и кучу других предметов, которым, по справедливости, место было на свалке. Фред с удовольствием избавлялся от этого скарба и что-то выкрикивал каждый раз, когда очередная штукавина отправлялась с глаз долой. Под конец он схватил за ручку небольшой футляра из серо-зеленого пластика и приготовился швырнуть его в воздух жестом дискобола. Но внезапно, заинтересовавшись содержимым футляра, он поставил его на стол для пинг-понга, как мог, вскрыл два заржавевших замка и поднял крышку.

Черный металл. Перламутровые клавиши. Европейская раскладка. Автоматическая возвратная каретка. У машины было имя: «Бразер-900», модель 1964 года.

Впервые за всю свою жизнь Фредерик Блейк держал в руках пишущую машинку. Он прикинул ее на вес, как делал с собственными детьми в момент рождения. Он повернул ее вокруг оси и осмотрел контуры, углы, внешнюю механику, одновременно дивно старомодную и редкостно сложную, полную рычажков, пружинок и мудреных сочленений. Он провел пальцем по выступам молоточков *rtu*, с улыбкой различил их на ощупь, потом всей ладонью погладил металлическую раму. Коснувшись катушки, он попытался раскрутить ленту, потом уткнулся в нее носом, чтобы почувствовать запах чернил, которого не обнаружил. Он стукнул по клавише *n*, потом по многим другим, все быстрее и быстрее, пока молоточки не сцепились друг с другом. Он в возбуждении растащил их, потом наугад поставил пальцы на десять клавиш и, стоя в розовом свете, заливавшем веранду, в распахнутом халате, закрыв глаза, почувствовал,

как его охватывает какое-то новое чувство.

* * *

Чтобы не растеряться на школьном дворе под взглядами тысячи глаз, с интересом следивших за их появлением, Бэль и Уоррен стали болтать по-английски, форсируя ньюаркский акцент. Французский язык давно уже не представлял для них трудностей: по прошествии шести лет они говорили на нем гораздо лучше родителей и замещали некоторые механизмы родного языка типично французскими оборотами. Однако в исключительных обстоятельствах, вроде теперешнего утра, им требовалось вернуть себе интимность речи, по-своему уравновесить историю своей жизни, не забывая, откуда они родом. Они явились ровно в восемь в кабинет госпожи Арно, завуча лицея-коллежа имени Жюля Валлеса, которая попросила их подождать минутку во дворе, прежде чем она представит каждого своему классному руководителю. Бэль и Уоррен появились в школе в конце третьей четверти, когда судьба учеников уже определена. Последняя четверть послужит для подготовки к следующему году, Бэль ждали выпускные экзамены, Уоррену до них оставалось еще два года. Несмотря на все потрясения в жизни Блейков, Бэль не отставала от своих сверстников с первых лет учебы в Ньюаркской академической школе имени Монтгомери. Ей открылось, причем с самого юного возраста, что тело и дух должны обогащать друг друга, обмениваться энергией, работать синхронно. На уроках она интересовалась всем, не обходила вниманием ни один предмет, и ни один учитель в мире, даже ее родители не могли бы вообразить ее основную мотивацию: расти и хорошеть. Со своей стороны, маленький Уоррен, которому тогда было восемь, выучил французский язык, как запоминают мелодию, не задумываясь, почти помимо воли. Однако психологические осложнения, возникшие из-за отъезда на чужбину, привели к тому, что он просидел два года в одном классе и вынужден был посещать детских психологов, от которых скрыли истинные причины высылки из Штатов. Сегодня он чувствовал себя вполне сносно, но при малейшей возможности с удовольствием напоминал родителям, что он этой ссылки ничем не заслужил. Как все дети, к которым жизнь предъявляет слишком большие требования, Уоррен рос быстрее других и уже установил для себя несколько жизненных принципов, от которых, похоже, отступить не собирался. В этих убеждениях, которые он хранил как бесценное наследие своей касты, проступали ритуалы другой эпохи, сочетавшей понятие чести и деловой расчет.

Девочки из класса Бэль, с любопытством разглядывая новичков, подошли поближе – познакомиться. Пришел господин Манжен, учитель истории и географии, и несколько церемонно поприветствовал мадемуазель Бэль Блейк. Она оставила брата, пожелав ему удачи жестом, непонятным для того, кто не родился к югу от Манхэттена. Вернулась госпожа Арно и сообщила Уоррену, что до девяти часов у него уроков нет, и попросила до этого времени подождать в общем зале. Он предпочел рыскать по школе, чтобы сориентироваться и определить границы своей тюрьмы. Он вошел в главное здание лицея – круглый корпус в форме початка, прозванный учениками «кукурузой», в центре которого располагался холл, по идее проектировщиков – место сбора учеников старших классов, которым разрешалось курить, шлаться вне общего зала, заигрывать с девочками (или парнями), развешивать плакаты и организовывать общие собрания: тренировка для взрослой жизни. Уоррен оказался там один, наедине с автоматом горячих напитков и большим панно, которое призывало общими усилиями отметить 21 июня традиционный праздник школы. Он походил по коридорам, наугад открыл несколько дверей, обошел старшие классы, вышел в спортивный зал, где тренировалась команда по баскетболу, и некоторое время смотрел, как они играют, как всегда недоумевая, как французы могут быть такими некоординированными. А ведь одним из его прекраснейших последних воспоминаний об Америке был матч «Чикаго Булс» и нью-йоркских «никсов», когда он собственными глазами видел, как живой Майкл Джордан, человек-легенда, летает от корзины к корзине. Вот уж точно повод тосковать по родной земле всю оставшуюся жизнь.

Он очнулся оттого, что ему на плечо легла чья-то рука. Это был не дежурный воспитатель и не учитель, которому поручили вернуть его на положенное место, – рука принадлежала ученику на голову выше Уоррена, его сопровождали двое подручных, одетых не по размеру, так что одежда висела на них, как на вешалках. Уоррен унаследовал телосложение отца, типичного маленького брюнета, он обладал и соответствующими скупыми жестами, природной экономией движений. Торжественная серьезность угадывалась в его пристальном, почти неподвижном взгляде, возможно взгляде созерцателя, для которого реакция – не первый ответ на действие. Собственная сестра уверяла его, что в зрелом возрасте он будет красив, седоват, не похож на других, но прежде такую внешность надо еще заработать.

– Ты, что ли, американец?

Как будто отгоняя муху, Уоррен скинул руку того, в ком он сразу угадал заводилу. Двое остальных стояли, как секунданты, и с опаской ждали продолжения. Несмотря на свой юный возраст, Уоррен прекрасно знал эту интонацию, не вполне уверенный приказ, чтобы, если удастся, захватить власть или по крайней мере прощупать границы. Худший из всех видов нападения, самый подлый – нападение трусов. Когда прошел момент неожиданности, Американец задумался над ответом. Впрочем, вопрос сам по себе ничего не значил, и не важно, что хотела от него эта троица: они появились не случайно. Почему я? – спросил он себя. Почему именно его сцапали, едва он появился? Почему меньше чем за полчаса именно он навлек на себя зачатки кретинской угрозы, которая, поощряемая его молчанием, вскоре приобретет более конкретный вид? Он знал ответ, и этот ответ был способен заставить его распротиться с детством.

– Что вам от меня надо?

– Ты американец. Богатенький.

– Кончайте нести бред и выкладывайте, в чем ваш бизнес.

– Твои родители кем работают?

– Какое твое собачье дело? Ну, что вы там накумекали? Рэкет? Мелкими порциями или разовый куш? Вас сколько – три, шесть, двадцать?

Во что вкладываете?

– ?

– Организации – ноль. Так я и знал.

Ни один из троих не понял ни малейшего слова, а также откуда у него взялась такая уверенность. Заводила почувствовал себя оскорбленным, оглянулся по сторонам, затащил Уоррена в закуток пустого коридора, который вел вниз, в столовую, и толкнул его так сильно, что тот растянулся на низком пристенке.

– Будешь знать как издеваться, новенький.

И все трое совместными усилиями стали учить его молчать, молотя коленками по ребрам, а кулаками куда попало, но целясь в лицо. Один в конце концов сел ему верхом на грудь, обшарил карманы и обнаружил там десятку. Уоррен, багровый, с трудом дышащий Уоррен услышал, что от него требуют и завтра принести ту же сумму как право посещения лицея имени Жюля Валлеса. Сдерживая слезы, он пообещал, что не забудет.

Уоррен не забывал никогда.

* * *

Жемчужина в оправе из лесов, Шолон-на-Авре представляет собой бывшее средневековое укрепление. Город достиг расцвета к концу Столетней войны, в начале XVI века, и в настоящее время насчитывает семь тысяч жителей. Его фахверковые дома, особняки XVIII века, пересечение улочек и каналов превращают Шолон-на-Авре в замечательно сохранившийся архитектурный ансамбль.

Магги открыла карманный словарь на слове «фахверк» и составила себе точное представление о том, что оно означает, пройдя по улице Гюстава Роже: большинство домов, с арматурой видимых снаружи балок, не напоминали ничего, что она видела раньше. В поисках дороги к центру городка – Шолон в плане представлял собой пятиугольник, ограниченный четырьмя бульварами и шоссе, – Магги миновала несколько улиц, проложенных полностью по одному плану: она сумела оценить открывшуюся перспективу. Заглядывая одним глазом в путеводитель, она без особого труда оказалась на площади Либерасьон, в самом сердце Шолона, на паперти, не соразмерной скромным улочкам. Два ресторана, несколько кафе, одна булочная, Синдикат местных инициатив, Дом печати и несколько типичных зданий ограничивали по краям огромную прямоугольную площадь, которая в нерыночные дни использовалась как парковка. Закупив местную прессу, Магги устроилась на террасе кафе «Гран Френель» и заказала себе большой двойной эспрессо. Она на мгновение прикрыла глаза и вздохнула, готовясь насладиться таким редким моментом одиночества. Если по шкале ценностей первое место она отводила времени, проведенному с семьей, то сразу за ним шло время, проведенное без семьи. Держа в одной руке чашку, она пролиставала «Шолонскую депешу» и «Нормандский зов», издаваемый в департаменте Эр, – еще один способ познакомиться с новым местом проживания. На первой странице «Депеши»

красовалась фотография шестидесятилетнего жителя Шолона, бывшего чемпиона региона по бегу на среднюю дистанцию, который только что стал участником чемпионата мира для сениоров в Австралии. Заинтересовавшись героем снимка, Магги прочитала статью целиком и поняла главное: человек, которого увлечение заставляло бегать всю жизнь, дождался воплощения своей мечты – в самом конце дистанции. В юности Кристиан Мунье едва дотягивал до уровня среднего бегуна. В пенсионном возрасте он стал чемпионом международного уровня и участвовал в соревнованиях на другом конце планеты. Магги спросила себя, что подарила ему жизнь: возможность улучшить свой результат или просто шанс под занавес отличиться? Она улыбнулась этой мысли и перевернула страницу. Дальше шли мелкие происшествия, перечень местных дрязг, в том числе нападение на авторемонтную мастерскую, несколько краж в соседнем жилищном комплексе, пара семейных сцен, не стоящих выеденного яйца, и несколько бредовых выходок. Магги не всегда понимала детали и недоумевала, отчего редакторы всегда дают лучшее место в газете всей этой грустной и банальной ежедневной суете. Она колебалась между несколькими вариантами ответа: происходящие по соседству сцены насилия чрезвычайно интересуют читателя, который обожает возмущаться или пугать себя. Или по-другому: читателю приятно думать, что его городок вовсе не цитадель скуки, что в нем происходит столько же всего, сколько в других местах. Или вот еще: сельский житель с каждым днем все более осознает, что испытывает все неудобства столичного города, не имея возможности воспользоваться его преимуществами. Была у нее и последняя гипотеза, самая грустная, – вечный припев: нет ничего увлекательней чужого несчастья.

В Ньюарке она никогда не читала прессы, ни местной, ни национальной. У нее не хватало духу даже просто открыть газету: она слишком боялась того, что могло броситься ей в глаза, натолкнуться на знакомое лицо, прочесть знакомые фамилии. Охваченная воспоминаниями о прежней жизни, она судорожно перелистала газеты, задержалась на прогнозе погоды и на анонсе ближайших мероприятий в округе – ярмарки, распродажи, небольшая выставка живописи в парадном зале мэрии – и одним махом допила свою воду. Постепенно ее охватывало чувство подавленности, усиленное колоссальной тенью, которая по мере продвижения солнца ложилась на площадь. Это была тень собора Святой Цецилии, описанного как жемчужина нормандской готики. Магги сначала нарочно не замечала его, а потом обернулась и встретилась с ним лицом к лицу.

* * *

Машинка «Бразер-900» стоит на середине стола для пинг-понга, стол – в центре веранды, вся эта торжественная геометрия инсценирована Фредериком. Усевшись перед машинкой, собравшись, оставив солнце позади, он заправил в каретку лист бумаги – самую белую из всех виденных им поверхностей. Он тронул одну за другой все перламутровые клавиши, отмытые, оттертые до блеска с помощью жидкости для мытья посуды, великолепные. Ему даже удалось немного увлажнить ленту, сухую, как сено, подержав ее над паром кипящей кастрюли. Один на один с механизмом, он готовился войти в контакт, он, вряд ли открывший за свою жизнь хоть одну книгу, говоривший прямо и без прикрас и за всю жизнь не написавший ничего, кроме пары адресов на спичечных коробках. Можно ли с помощью этой штуки сказать все? – спросил он себя, не сводя глаз с клавиш.

Фред никогда не встречал собеседника по себе. Ложь уже? в ухе того, кто слушает, – думал он. Желание высказать свою правду не покидало его с момента окончания процесса, заставившего его скрываться в Европе. Ни психиатры, ни адвокаты, ни утраченные друзья, ни один из этих типов с благими намерениями – никто не попытался понять его показания: его сочли монстром и все бросились его осуждать. А машина ничего отбирать не будет, она примет все скопом, хорошее и плохое, постыдное и потаенное, нечестное и подлое, потому что все это и вправду происходило, вот что самое невероятное: эти никому не нужные куски правды были подлинными. За одним словом тянется другое, и он должен иметь право брать любое из них, и чтоб никто ему не подсказывал. И чтоб никто не запрещал.

Вначале было слово, сказали ему когда-то, очень давно. Сорок лет спустя случай предоставил ему возможность проверить это. Вначале точно должно быть какое-то слово, одно-единственное, все остальные придут потом.

Он поднял указательный палец правой руки и выбил

, бледно-голубое, едва различимое, потом

, поискал глазами клавишу

, клавишу

, потом, для храбрости, сумел дотянуться до

безымянным пальцем левой руки, потом подряд выбил два

, двумя разными пальцами, и закончил указательным –

. Он перечитал написанное, радуясь, что не сделал ни одной ошибки.

* * *

Юным Блейкам разрешили обедать вместе. Бэль поискала брата во дворе и в конце концов обнаружила его под крытой галереей среди новых одноклассников. Со стороны можно было подумать, что Уоррен с ними знакомится, на самом деле он их допрашивал.

– Я хочу есть, – сказала она.

Он пошел следом за сестрой к столу, где их ждали две тарелки с нарезанными овощами. Столовая во всем походила на столовую в Кань и не вызвала у них ни слова комментария.

– Мы не так далеко от дома, – сказал он, – можно возвращаться обедать к себе.

– Смотреть, как мама ныряет головой в холодильник и ломает голову, что нам дать пожрать, а папа в пижаме сидит у телевизора? Вот уж спасибо, не хочу.

Уоррен начал есть с того, что любил больше всего, – с огурцов, а Бэль – с того, что любила меньше всего, – со свеклы. Она заметила синяк на его надбровной дуге.

– Что это у тебя над глазом?

– Да так, ничего, хотел показать класс на баскетбольной площадке. Как тебе одноклассники?

– Девчонки вроде ничего, насчет парней не знаю. Мне надо было представиться, и я...

Продолжения Уоррен уже не слышал, опять погрузившись в прикидки, которыми он занимался безостановочно с того момента, как на него напали. Он опрашивал и сопоставлял данные – не о своих хилых обидчиках, а о других, обо всех, кого можно использовать, чтобы обратить охотника в дичь, палача – в жертву, как на его глазах и до него делали многие – дяди, двоюродные братья, – у его родни это было в крови. Все оставшееся утро он задавал невинные вопросы про тех и про этих. А кто вон тот? А как зовут того? А кто кому брат? Потом он сумел с некоторыми познакомиться, исподволь добывая у них ответы. Он даже кое-что себе пометил, чтобы запомнить все элементы уравнения. Мало-помалу причудливые детали стали складываться в определенную схему, понятную ему, и только ему.

У хромого отец – механик, работает в гараже у отца того парня из третьего «С», которого вот-вот выпрут из школы. Капитан команды по баскетболу готов на все, лишь бы стать первым по математике, он водится с тем дылды из второго «А3», который влюблен в классную старосту. Классная староста – лучшая подружка сестры того ублюдка, что стащил у меня десятку, а его подпевала жутко боится учителя по труду, который женат на дочке начальника конторы, где работает его отец. Четверо из десятого «В» всегда шляются вместе, в конце года они ставят спектакль, и им нужно звуковое оборудование, оно есть у того, который хромает, а самый маленький силен в математике и при этом ненавидит того высокого мудака, который меня бил.

У задачи нашлось решение, по крайней мере в его логической системе, еще до подачи десерта. Бэль все это время говорила с ним по душам.

* * *

По-прежнему сидя на террасе и изучая путеводитель, Магги заказала себе второй кофе.

Барaban украшен сценами жития Пресвятой Девы и мученичества святой Цецилии, которая была обезглавлена в Риме в 232 г. Массивный портал, украшенный деревянной резьбой, представляет четыре времени года и связанные с ними сельские работы. Портик увенчан башней с двойной коронкой, которая заканчивается острыми навершиями.

Она могла просто встать и войти в храм, полное описание которого уже прочла, – войти в неф, встать перед распятым Христом, поговорить с ним, сосредоточиться, помолиться, сделать то же, что она делала до встречи с Фредериком, в те времена, когда его еще звали Джованни. Прилепившись к нему, она и подумать уже не могла о том, чтобы поднять глаза на распятие или приблизиться к святому месту. Поцеловав Джованни, она плюнула в Христа. Сказав «да» мужчине своей жизни, она оскорбила своего Бога, а Он славился тем, что ничего не забывал и за все требовал расплаты.

«Знаешь, Джованни, когда летом очень жарко, я люблю спать под тоненьким одеялом, – часто говорила она ему. – Кажется, совсем не нужно одеяла, а без него не обойтись, оно укрывает нас ночью. Так вот, вера в Бога для меня – это как тоненькое одеяло. И ты у меня его отобрал».

Прошло двадцать лет, и тяга беседовать или просить и обсуждать что-то с Богом посещала ее все реже. Она даже не понимала, сама ли она изменилась или Всевышний. Со временем тоненькое одеяло стало ей не нужно.

* * *

В бетонной пристройке возле стадиона мадам Барбе, учитель физкультуры класса Бэль, искала в своих запасах, во что бы одеть новенькую.

– Меня не предупредили, что надо взять спортивную форму.

– Конечно, ты не знала. Вот, примерь-ка.

Синие шорты для мальчика, которые Бэль приспособила, туго завязав шнурок на талии. Обувь она оставила свою, беговые кроссовки той же марки, что она носила еще в Ньюарке, и натянула ярко-желтую майку с цифрой четыре.

- Она мне по колено...

- Меньше ничего нет.

Несмотря на все усилия Бэль, красный сатиновый лифчик все равно вылезал из-под лямок майки. Она замялась, прежде чем присоединиться к остальным.

- Тут одни девочки, - сказала мадам Барбе, не придав этому особого значения.

Бэль пошла за ней на площадку для баскетбола, где ученицы уже тренировались, с нетерпением ожидая увидеть американку в деле. Ей бросили мяч, она стукнула им пару раз о землю, как у нее на глазах делали другие, и передала ближайшей однокласснице. Бэль никогда не интересовалась спортом и едва знала правила баскетбола. Откуда же взялась у нее эта грация чемпионки, свобода поведения в незнакомых ситуациях, природное знание доселе неизвестных жестов? Легкость, с которой она присваивала одежду, которая ей не шла, и обращала ее себе на пользу? Раскрепощенность, которая у другой девочки потребовала бы стольких усилий? Одетая кое-как, почти как клоун, - и неотразимая, Бэль оказалась в центре игры.

Стоявшие поодаль четыре теннисиста на ее счет не ошиблись. Они прервали матч, вцепились в решетку и стали следить, как прыгает лифчик, невинно колыхающийся при каждом движении Бэль.

* * *

Теперь, когда время шло к четырем, и речи не могло быть о том, чтобы Фредерик расстался с халатом. Из символа смирения халат превратился в его новую рабочую одежду. Отныне Фредерик имеет право безнаказанно шлаться неодетым, небритым, целый день шаркать шлепанцами и позволять себе кучу других прегрешений, которые еще надо придумать. Походкой «короля-солнце» он прошелся по саду, ориентируясь на щелканье секатора из-за зеленой изгороди, заметил соседа, подрезавшего розовые кусты. Они обменялись

рукопожатием поверх решетки и минуту оценивающе взирали друг на друга.

– Розами приходится заниматься круглый год, – сказал мужчина, чтобы как-то заполнить возникшую паузу.

Фредерик не знал, что ответить, и потому сказал:

– Мы американцы и въехали вчера. – Американцы?

– Это хорошая новость или плохая?

– Вы решили поселиться во Франции?

– Наша семья много путешествует из-за моей профессии.

Вот к чему Фредерик вел с самого начала: он выполз в сад с целью произнести одно-единственное слово. С обнаружения «Бразера-900» ему не терпелось представить миру новую ипостась Фредерика Блейка.

– Что же у вас за профессия?

– Я писатель.

– Писатель? – Последовавшая секунда была чистым наслаждением. – Потрясающе... писатель... больше романы пишете?

Фред заранее предвидел вопрос:

– Ну нет, может быть, когда-нибудь потом, а пока я пишу об истории. Мне заказали книжку про высадку союзников, поэтому я здесь и оказался.

При этих словах он стоял к соседу в три четверти, облокотившись на столбик изгороди, скромно потупившись и самозабвенно играя роль, которая с каждой секундой придавала ему больший вес. Фредерик Блейк полагал: представляя себя в качестве писателя, он решает все проблемы. Конечно, он писатель, абсолютно все совпадает, как он раньше не додумался? На пример, в Кань или

даже раньше, в Париже. Сам Квинтильяни подтвердит, что идея – блестящая.

Сосед поискал глазами жену, чтобы представить ей нового соседа – писателя.

– Ах, эта высадка... Надоест нам когда-нибудь читать об этих днях? Правда, наш Шолон немного в стороне от театра военных действий.

– Эта книжка будет данью памяти нашим морякам, – сказал Фред, чтобы как-то завершить беседу. – И еще мы с женой, наверно, организуем барбекю, чтобы со всеми познакомиться, так что вы скажите соседям.

– Почему морякам? Мне казалось, в высадке участвовали только морские пехотинцы?

– Мне хочется рассказать про все виды войск, начиная с флота. Так вы не забудете про барбекю, ладно?

– Вы наверняка посвятите целый раздел операции «Оверлорд»?

– ?

– Ведь там насчитывалось что-то около семисот военных судов?

– Лучше всего в пятницу – на этой неделе или на следующей, – я на вас рассчитываю.

Ретируясь на веранду, Фред пожалел, что не пишет романы.

* * *

К пяти часам, выйдя с занятий, Уоррен так и не смирился с утратой карманных денег. Эти десять еврогодились бы ему... на что, в конце концов? Чтоб пожевать резинку, полистать «Геймфайт», журнал воинов Интернета, сходить на американский фильм с диалогами, полными фак-фак-фак, на что еще? Обращенные в мелкие удовольствия, эти десять евро представляли собой немного, он готов был с этим согласиться. Зато та же сумма стоила целое

состояние в пересчете на испытанное унижение, утраченное достоинство, боль. Выйдя за ограду лицея, Уоррен походил от одной группы учеников к другой, кого-то узнал, через них познакомился с другими, кое-кому пожал руку, кое о чем условился со «стариками» из последнего класса, в том числе с членами футбольной команды, одержавшей победу в финале региона и составлявшей теперь гордость коммуны.

Дай им то, чего им больше всего не хватает.

В свои четырнадцать лет Уоррен отлично усвоил урок старших. Знаменитой фразе Архимеда: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю» – он предпочитал вариант, усовершенствованный его предками: «Дайте мне бабки и кольт, и я буду править миром». Все дело во времени и в организации. Играть на дополнение, изобретать сочетания, просто уметь слушать, замечать границы каждого, определять недостатки и оценивать, сколько будет стоить их восполнение. Чем крепче конструкция, тем быстрее он придет к власти. Пирамида выстроится сама собой и вознесет его до небес.

А пока надо махать перед ними морковкой, палка появится потом. Большинство учеников вышли за ограду, одна группа вразвалочку направилась в кафе, совсем немногие остались дожидаться 18 часов, окончания последнего урока. И среди них семь мальчиков, стоящих вокруг Уоррена.

Родителям самого высокого мальчика репетиторы были не по карману, и тому во что бы то ни стало нужна была отличная оценка по математике, иначе он оставался на второй год. Самому сильному из них, игроку правого фланга в команде регби, больше всего на свете хотелось по дружить с братом Летиции, который сейчас стоял справа от Уоррена. А этот самый брат отдал бы что угодно за автограф своего кумира, Паоло Росси, автографом владел Симон из десятого «Б», но охотно уступил бы его ради осуществления личной вендетты тому, чьей последней жертвой стал Уоррен. Следующий мальчик, лицейская достопримечательность, чаще спокойный, но иногда впадавший в жуткую ярость, променял бы все, что имел, на право войти в любую группу, все равно какую, лишь бы почувствовать, что его включили в шайку, лишь бы перебороть судьбу вечного изгоя, – и Уоррен давал ему такую возможность. Двое остальных примкнули к команде по причинам, которые они не хотели раскрывать в присутствии Уоррена, а тому на них было абсолютно наплевать.

Регбист знал, где обычно встречались после окончания занятий трое вымогателей, – сквер, который они считали своей территорией и хождение по которому они строго регламентировали. Не прошло и десяти минут, как все трое валялись на земле, один блевал, другой корчился от боли, а заводила стоял на коленях и по-детски всхлипывал. Уоррен потребовал у них сто евро к следующему утру, к 8.00. За каждые полдня просрочки сумма удваивалась. Ужасаясь одной мысли снова вызвать его гнев, они благодарили его, не поднимая глаз от земли. Уоррен уже знал, что, будь на то его воля, эти трое станут его самыми верными подручными. Для сложивших оружие врагов надо оставлять такой выход.

Не сумей он в тот день составить первый круг своей организации, Уоррен справился бы с этой троицей самостоятельно, вооружившись бейсбольной битой. А если бы кто встал у него на пути, он ответил бы, что жизнь не оставляет ему другого выбора.

* * *

Магги вошла в маленький универсам на привокзальной улице, взяла красную корзинку, прошла турникет и стала искать глазами отдел «Свежие продукты». Отвергая легкий путь – взять и подать родным то, к чему они привыкли, она соблазнилась эскалопами со сметаной и шампиньонами. В отличие от Фредерика Магги принадлежала к тем, кто в Риме живет, как римляне. После архитектуры и местной прессы она готова была обследовать местную кухню, рискуя навлечь недовольство родных при подходе к столу. Машинально она обследовала отдел «Макаронные изделия»: спагетти номер пять и семь, зеленые тальятелле, пенне и целое скопище ракушек и вермишели, пользу которых она не улавливала. Испытывая легкие угрызения совести, она взяла пакет спагетти и коробку очищенных томатов, на случай гнева обоих мужчин. Прежде чем направиться к кассе, она спросила у одной из продавщиц, где стоит арахисовое масло.

– Какое-какое?

– Арахисовое. Извините за произношение.

Девушка вызвала управляющего, который вышел и встал перед Магги в своем голубом халате.

– Арахисовое масло, – повторила она. – Peanut butter.

– Я понял.

Он встал в шесть утра, как вставал всегда, принял товар и складировал его в подсобном помещении. Затем он отметил время прихода сотрудников, дал инструкции, встретил первых покупателей. Днем принял двух оптовиков и посетил банк. С четырех до шести собственноручно реорганизовал отделы шоколада и печенья, обеспечил пересортировку, которую полагалось делать. День шел без сучка без задоринки, пока неизвестная покупательница не потребовала у него того, чего у него в магазине не было.

– Встаньте на мое место, я не могу держать про запас все странные продукты, которые могут спросить. Текилу, лапшу из крабовых палочек, шалфей в вакуумной упаковке, моцареллу из молока буйволиц, чатни, масло какао, бог знает что еще? Чтобы все это гнило на складе, пока не выйдет срок годности?

– Я просто спросила. Извините.

Магги отошла вглубь магазина, смущенная тем, что дала повод для раздражения из-за предмета, который того не стоил. Арахисовое масло никакой срочности не представляло, у сына еще будет куча времени мазать себе бутерброды чем ему вздумается, для нее масло было просто способом доставить ему удовольствие в первый школьный день. Она отлично понимала точку зрения коммерсанта, и ничто не выводило ее из себя больше, чем продуктовые капризы туристов и всех тех, кто превращает еду либо в предмет ностальгии, либо в рефлекторное шовинистическое чванство. Ее удручало зрелище соотечественников, которые при посещении Парижа скопом набивались в фастфуды, их жалобы на то, что ничто не напоминает жратву, которой они привыкли давиться целый год. Она видела в этом чудовищное неуважение к посещаемой стране, и уж тем более если речь шла, как в ее случае, о земле, предоставившей убежище.

Она обошла магазин, не думая больше про масло, и на секунду остановилась в разделе напитков.

– Арахисовое масло...

– А потом они удивляются, что каждый пятый американец страдает избыточным весом.

– Да и эта их кока-кола...

Голоса раздавались совсем близко, из-за носа гондолы, откуда Магги достала упаковку пива. Она поневоле подслушала разговор вполголоса между управляющим и двумя посетительницами.

– Я, собственно, ничего против них не имею, но они всюду чувствуют себя как дома.

– Конечно, они высадились в сорок четвертом, но с тех пор они захватили всю страну!

– В наше время хоть речь шла о нейлоновых чулках и о жвачке, а что теперь?

– Мой сын одевается, как они, развлекается, как они, и слушает только их музыку.

– А хуже всего их еда. Сколько я ни готовлю своим то, что они любят, у них одно на уме: вскочат из-за стола и напрямик в Макдоналдс.

Магги почувствовала себя уязвленной. Делая из нее типичную американку, они подвергали сомнению ее добрую волю и усилия прижиться на новом месте. И это притом, что она была лишена гражданских прав и затем выслана из родной страны.

– Им неведомо понятие вкуса, все это знают.

– Абсолютно безграмотные люди. Я знаю, я туда ездил.

– А попробуйте вы сами там поселиться, – подытожил управляющий, – посмотрите, как вас примут!

Магги слишком настрадалась от косых взглядов на улице, от перешептываний за спиной, от общей иронии, сопровождавшей любое ее появление в общественном

месте, вплоть до самых нелепых слухов, опровергнуть которые было невозможно. Сами того не желая, эти трое несчастных всколыхнули давнюю обиду. Самым парадоксальным было то, что, если бы Магги пригласили участвовать в беседе, она поддержала бы их по большинству пунктов.

- И они собираются править миром?

Ничем себя не обнаружив, она направилась в отдел хозяйственных товаров, добавила в корзинку с покупками три бутылки бытового спирта и коробок спичек, прошла кассу и вышла из магазина.

Снаружи угасал последний луч солнца, и день медленно клонился к вечеру. Сотрудники магазина чувствовали первые признаки усталости, покупатели начинали спешить – так и полагается работать в марте месяце, в шесть часов вечера, в душной и сонной атмосфере незыблемого ритуала.

Только вот откуда взялся запах жженой резины и ударил в ноздри кассиршам?

Одна из покупательниц дико закричала. Управляющий оторвался от журнала заказов и увидел, как за витриной колеблется странный огненный занавес. Языки пламени полностью перекрывали стекло и уже проникали внутрь магазина.

Подсобный рабочий отреагировал первым и вызвал пожарных. Покупатели устремились к аварийному выходу. Кассирши испарились, и только управляющий, давно путавший свою жизнь с жизнью магазина, не двигался с места, загипнотизированный пляской красно-желтых бликов.

Добровольцы из пожарной бригады Шолонана-Авре не смогли спасти от огня ни железный занавес, ни полки, ни товары – ничего, кроме ящика слегка помятых яблок сорта «грени».

* * *

Бэль и ее одноклассники покинули лицей с последним звонком. Несколько трудных подростков, не торопясь домой, привалились к ограде с сигаретой в зубах или телефоном в руке, остальные как можно скорее уходили от лицея.

Сначала ей было по пути с Этель и Линой, дальше она пошла одна по бульвару Маршала Фоша, не задумываясь над маршрутом. Бэль принадлежала к тем, кто идет легкой походкой, держа нос по ветру, с любопытством встречая все сюрпризы пути, убежденная в том, что горизонт всегда краше тротуара. Вся ее личность проявлялась в таких деталях, в этой манере идти вперед, веря в себя и в других. В противоположность брату, который не мог избавиться от детства с его травмами, она сумела обогнать прошлое на целый корпус и никогда не давала ему нагнать себя, даже в самые трудные моменты. Никто, кроме нее, не знал, откуда сходила к ней эта сила, которой часто недостает тем, кто пережил удары жизненных стихий. И даже если иногда ощущались толчки бывшего землетрясения, статус жертвы никоим образом ее не привлекал. Не тратя зря силы на сожаления, она направляла их на становление и развитие, на преодоление гандикапа.

Старый «Рено-5» цвета серый металлик догнал ее и остановился, из машины ей махали двое парней. Это были те самые ученики из последнего класса, которые утром раскрыв рот смотрели на красный лифчик новенькой. Они тут же вбили себе в голову, что надо непременно познакомиться, проявить гостеприимство, показать город.

– Нет, спасибо, ребята...

Она снова направилась к дому, хотя мысль о том, что за ней стали ухаживать в первый же день занятий, показалась ей забавной. У нее не было ни малейшей нужды сомневаться в собственном очаровании, оно ощущалось всегда, с самого ее рождения. Родители называли ее Бэль, не подозревая, насколько красивой она станет. Как много смысла в таком коротком слове. Кто мог представить, что во Франции это имя вызовет столько проблем? В то время ни Магги, ни Фред и не знали толком, где находится Франция.

– Oh please, please, Miss America!

Они так уламывали ее, что Бэль засомневалась, по какой улице идти к дому.

– А где ее дом?

– На улице Фавориток.

– Это в той стороне.

– Залезай, мы тебя подвезем.

Она дала уговорить себя и уселась на заднее сиденье. Внезапно ребята замолчали, удивляясь, что она все же согласилась, – они заранее были уверены в отказе и оказались не подготовлены к перемене ситуации. А вдруг эта девица совсем не так неприступна, как все, вдруг она готова на гораздо большее? Американцы настолько всех опередили, а уж в области морали точно. Они тайком переглянулись и разрешили себе включить воображение.

– Эй, ребята, кажется, мы не туда свернули...

Вместо ответа они забросали ее вопросами про то, как она жила до Шолона. Напрягаясь гораздо больше, чем Бэль, они старались заполнить паузы, говорить что угодно, строить из себя взрослых мужчин, – ее позабавило такое ребячество. Машина затормозила возле Виньолетского парка, на съезде с шоссе, которое напрямик уходило к самой Бретани.

– Здесь что, остановка? – спросила она.

Внезапно наступила темнота. Болтовню сменили все более подозрительные паузы. Бэль в последний раз попросила отвезти ее домой. Парни вышли из машины и вполголоса обменялись несколькими фразами. А вдруг повезет, риск-то невелик, все как в кино, сначала новенькая их поцелует, потом, может быть, еще как-нибудь приласкает, почему бы и нет, кто знает, как оно случается. А если экспедиция обернется неудачей, они всегда успеют разыграть полнейшую невинность. Бэль подумала о том, что ей придется делать сразу по возвращении домой: исписать кучу бумаги, чтобы заполнить личное дело, свести воедино расписание своих школьных занятий, сравнить с расписанием брата, наклеить этикетки на учебники, составить список недостающего, – вечер будет тянуться бесконечно. Она стояла, прислонившись спиной к дверце машины, ожидая, пока один из двух кретинов не поймет, что прогулка закончена. Прежде чем признать себя побежденными, они предприняли последнюю попытку сближения, и один из них осмелился положить руку на плечо Бэль. Она сокрушенно вздохнула, нагнулась, схватила лежавшую на заднем сиденье теннисную ракетку и четким движением разбила ее ребром нос самого предприимчивого из парней. Второй, оцепеневший при виде такой спонтанной и такой жестокой реакции, отступил

на несколько шагов, но не избежал паса ракетки вверх, чуть не оторвавшего ему ухо. Когда ухажеры валялись на земле с залитыми кровью лицами, Бэль опустилась возле них на колени и уверенными движениями медсестры ощупала поражения. К ней вернулась невинная улыбка и вся ее доброжелательность к человечеству. Садясь в машину, она напоследок обернулась и сказала:

– Ребята, если вы так будете браться за дело, ничего у вас с девчонками не получится.

Она тронулась с места и вернулась на шоссе, насвистывая мелодию Коула Портера, потом бросила машину в ста метрах от улицы Фавориток и вернулась домой пешком. Перед решеткой сада она встретилась с матерью, которая в то же время возвращалась домой, и взяла у нее из рук пакеты с покупками. Выскочивший неизвестно откуда Уоррен закрыл калитку, и все трое вошли в дом.

Фредерик стоял одним коленом на полу и накладывал собаке еду, он совершенно не удивился тому, что семья явилась разом и в полном составе.

– Ну, какие происшествия?

Как будто сговорившись, все трое хором ответили:

– Никаких.

– Магги, сделай мне чай!

Фред заорал со своей веранды так громко, что разбудил Малавиту, она зарычала и тут же уснула снова. Услышала его и Магги, но не бросилась исполнять приказ, а осталась в спальне, у телевизора. Оскорбленный тем, что она не отвечает, Фред оставил пишущую машинку, рискуя упустить вдохновение.

– Ты что, не слышала?

Магги, лежавшая на кровати, приостановила кассету: вторжение мужа пришлось на решающий момент мелодрамы.

– Только не надо изображать со мной итальянского мужа, ладно?

– Но... я же работаю, детка...

При слове «работа» Магги едва сдержала раздражение, постепенно нараставшее в ней со дня, когда они поселились в Шолоне, месяц назад.

– Можно узнать, что ты там вытворяешь с этой пишущей машинкой?

– Я пишу.

– Не морочь мне голову, Джованни.

Она называла его настоящим именем в редчайшие случаи большой близости или большого раздражения. Пусть расскажет, что он там вытворяет на веранде с девяти утра, склонясь над пластмассовой рухлядью, пусть отчитается перед близкими, что это за срочная работа порождает в нем такую необычайную прыть и блаженную рассеянность.

– Перед соседями можешь прикидываться кем хочешь, а меня с детьми избавь, пожалуйста.

– Да говорю тебе – я ПИШУ, черт тебя побери!

– Да ты едва умеешь читать! Ты не в состоянии написать ни фразы из того, что произносишь! Сосед из пятого дома объявил мне, что ты, видите ли, рожаешь опус про высадку союзников! Мне пришлось подтвердить, как дура... Высадка союзников... Да ты не знаешь, кто такой был Эйзенхауэр!

– Да плевать мне на эту хреновую высадку, Магги! Я другое пишу!

– И что же, позвольте спросить?

– Мои воспоминания.

При этой фразе Магги поняла, что зло победило. Она знала своего мужа всю жизнь, и что-то подсказывало ей, что муж ее не тот, кого она еще месяц назад понимала по малейшей интонации, по самому незаметному жесту.

Однако Фред не лгал. Не заботясь о хронологии, повинуясь душевному порыву, он возвращался к самому счастливому периоду своей жизни – тридцати годам, проведенным внутри нью-йоркской мафии, и к самому болезненному – своему раскаянию. После четырех лет слежки капитану ФБР Томасу Квинтильяни удалось загнать в угол главаря клана Джованни Манцони и заставить его дать показания на процессе, который привел к падению трех самых крупных мафиозо, или саро, которые контролировали восточное побережье. В их числе фигурировал дон Мимино, саро di tutti capi[1 - Глава всех глав (ит.)], верховный главарь «пяти семей» Нью-Йорка.

Затем шел так называемый период программы Witness Security, или, сокращенно, «Уитсек», проклятой системы защиты свидетелей, призванной, так сказать, убересть раскаявшихся от возмездия со стороны структур организованной преступности. Вновь пережить самые жалкие часы своего существования, наверное, и есть расплата для любого, кто задумал писать свои воспоминания. Фред намерен был выбить каждую букву каждого запретного слова: сдать, настучать, продать друзей, самых старых обречь на сроки, в десять раз превышавшие их возраст и в тысячу раз – число оставшихся им лет жизни (дон Мимино получил срок 351 год – загадочная цифра для всех, включая Квинтильяни). Фред не собирался сглаживать углы, он выскажет все начистоту, тут на него можно положиться, он никогда и ничего не делал наполовину. Раньше, когда ему поручали убрать неудобного человека, он выполнял это так, что не оставалось ни единого идентифицируемого куска тела, а когда брал под

контроль территорию, не оставлял без дани ни единого торговца, будь он хоть старик, торговавший зонтиками из-под полы. В его рассказе самое тяжелое было мысленно пережить те два года, пока шел процесс, полнейшее безумие, когда он под прикрытием полиции менял отели каждые четыре дня, а свидания с детьми разрешались раз в месяц. Пока в одно памятное утро он не встал перед всей Америкой, не поднял правую руку и не произнес клятву.

Прежде чем подойти к этому эпизоду, ему надо было воскресить хрупкие воспоминания, нащупать лучшее в своей жизни – прекрасные годы юности, свои первые стволы, боевую учебу, официальное вхождение в братство коза ностра. Благословенная пора, когда все было впереди и когда он голыми руками убил бы всякого, кто сказал бы, что однажды он предаст.

– Квинтильяни считает, что писатель – неплохая идея.

Том Квинтильяни, извечный враг и тем не менее уже десять лет лично отвечающий за безопасность семейства Блейков, дал добро. Любой человек, проживающий под надзором, рано или поздно привлекает любопытство соседей, это было известно по опыту. Фреду надо было как-то объяснить свой сидячий образ жизни жителям побережья Ла-Манша.

– Мне тоже идея казалась неплохой, пока ты не стал строить из себя чертова писателя!

И действительно, теперь вся округа знала, что у них поселился американский писатель, который работает над масштабным полотном о высадке союзников. Слава жены писателя не приносила Магги ни малейшей выгоды, наоборот, она чувствовала, что выдумку Фреда вскоре придется расхлебывать ей самой. Не говоря про Бэль и Уоррена, которые в школьных досье поставили прочерк в графе «Профессия родителей». Они бы с гораздо большей охотой объявили товарищам и всему преподавательскому коллективу, что их отец – макетчик или европейский корреспондент американского журнала для рыболовов, что угодно, лишь бы оно не вызывало настоящего любопытства. Внезапно проклюнувшееся литературное призвание отца несомненно грозило стать источником осложнений.

– Не мог найти профессию поскромнее, – снова заговорила Магги.

– Дизайнер? Как в Кань? Это была твоя блестящая идея. Все так и лезли ко мне с расспросами, как устроить бассейн или выбрать печь для пиццы.

Тысячи раз они заводили эту беседу, и тысячи раз едва не вцеплялись друг другу в глотки. Она возлагала на Фреда, и не без основания, ответственность за их бесконечные переезды, за неспособность прижиться хоть где-нибудь. Мало того что он загнал их в ссылку, в Европу, Фред и в Париже сумел отличиться сразу же после приезда. Привыкший жить с полными карманами денег на мелкие расходы, он вбил себе в голову, что план «Уитсек» не позволяет ему вести приличное существование. Ему, свидетелю высшего разряда, который завалил самых крупных воротил, навязывают стиль жизни третьесортного головореза? Не на такого напали. Поскольку Квинтильяни не согласился улучшить его содержание, Фред купил в кредит гигантский морозильник и запихал в него кучу роскошных продуктов, оплаченных липовыми чеками и перепроданных затем соседям (в доме, где он жил, он сумел выдать себя за представителя оптовой фирмы по торговле замороженными продуктами, способного продавать омаров поштучно, но по ценам вне всякой конкуренции). Спекуляция была настолько необычна и непредсказуема и вместе с тем настолько замаскирована, что агенты ФБР узнали о ней только после рекламации со стороны банка. Том Квинтильяни, главный специалист по прикрытию свидетелей, сумел не поддаваться на угрозы, устранить все возможные контакты с мафиозными кругами, сохранить в секрете новое место дислокации Блейков даже от некоторых руководителей своей службы. Он предусмотрел все. Кроме перемещения партий ракообразных во втором округе Парижа, в номере 97 по улице Сен-Фиакр, в жилом комплексе Сен-Фиакр.

Тома оскорбило такое мелочное извращение режима охраны свидетелей. Идти на подобный риск, когда ты окружен такими исключительными мерами предосторожности, вплоть до того, что стал первым переселенным свидетелем, говорило одновременно и о несознательности, и о неблагодарности Фреда. Пришлось покинуть Париж и переехать в маленький городок на Лазурном Берегу. Фред понял, что ядро пронеслось совсем близко, и в конце концов присмирел.

За три года Блейки сумели слиться с фоном. В Кань дети наверстали упущенное в школе, Магги училась на заочном, а Фред проводил дни на пляже – летом купался, зимой гулял в одиночестве, если не считать следившего за ним издали агента Квинтильяни. В эти долгие часы одиночества он вновь и вновь перебирал в уме все этапы, приведшие его туда, все эти странные разветвления судьбы, о

которых стоило бы, думал он, когда-нибудь рассказать. Вечером ему случилось присоединиться к компании в бистро, чтобы сыграть в карты, попивая пастис.

Пока не случилась эта недоброй памяти партия в белот.

В тот день партнерам вздумалось рассказывать про свою жизнь – мелкие несчастья и маленькие профессиональные победы, вроде прибавки жалованья, круиза, организованного конторой, повышения в должности. Немного захмелев, они стали подтрунивать над молчавшим Фредом, американским дизайнером, беззлобно высмеивая его очевидное безделье: единственными сооружениями, в возведении которых он был замечен, были замки на песке. Фред молча терпел, и его молчание поощряло их к саркастическим замечаниям. Поздно вечером, доведенный до ручки, он сорвался. Он, Фред, никогда не дожидался от шефов ни положительных отметок, ни ударов линейкой! Он выстроил свою империю собственными руками и правил там безраздельно! Он бросал войска в бой! Он заставлял дрожать сильных мира сего! И он любил свою жизнь – жизнь, которую толком вообще никому не понять, а уж тем более всяким засранцам из говенного бистро!

После его стремительного отъезда в Нормандию в этом маленьком квартале Кань-сюр-Мер прошел слух, что американец вернулся на родину лечить нервы.

– Тут они все от меня отцепятся, Магги. К писателям не цепляются.

После этой фразы она вышла из комнаты и громко хлопнула дверью, твердо намереваясь не цепляться к нему до самой смерти.

* * *

Мадам Лакарьер, учительница музыки, восприняла запоздалое появление мадемуазель Блейк на своих уроках как божье благословение. В отличие от остальных, использовавших этот урок, чтобы дописать задание по математике или исправить домашнее сочинение, Бэль относилась к музыке очень серьезно и работала за всех. Она единственная отличала ля от ре, хронологически располагала Баха до Бетховена и попросту пела не фальшивя. Великой трагедией госпожи Лакарьер было то, что за двенадцать лет работы ей так и не встретился настоящий ученик. Тот, кому она открыла бы музыку, кто пошел бы

учиться дальше, стал бы играть сам или сочинять музыку, кто, по крайней мере, оправдал бы, а не подвергал сомнению ее преподавательские усилия.

- Скажите, мадемуазель Блейк...

Все учителя, обескураженные именем Бэль, в конце концов сделали выбор в пользу «мадемуазель Блейк».

- В конце года наш лицей организует спектакль, куда будут приглашены родители и местное руководство. Я репетирую с хором, который споеет Stabat Mater Гайдна. Мне очень хотелось бы, чтобы вы присоединились к нам.

- Это невозможно.

- Простите?

- Без меня.

Она выдала тот же ответ учителю французского языка, который делал инсценировку придуманного учениками шуточного спектакля. С тем же упорством она отказала и мадам Барбе, которая ставила хореографические миниатюры.

- Но... подумайте... Наверняка придут ваши родители... Будет мэр Шолона, местная пресса...

- И думать нечего.

Бэль встала, без разрешения покинула класс под изумленными взглядами учеников и вышла успокоить нервы во двор. Местная пресса... Представив себе категорический отказ Квинтильяни, Бэль тут же заворчала, что было ей несвойственно. Программа «Уитсек» запрещала членам охраняемой семьи участие в любых съемках и публичных выступлениях. Бэль в конце концов стала сердиться на всех, кто предлагал ей участвовать в этом чертовом выпускном спектакле.

– Вы застенчивы, Бэль. Выступление на публике пойдет вам на пользу! Многие люди излечились от робости, занимаясь театром.

Это она-то застенчива? Самоуверенность кинозвезды! Отвага салунной певички! Ото всех, кто уговаривал ее выступить на сцене, она скрывала настоящую причину: Я не жалкий цыпленок, который заставляет себя упрашивать. Я не могу выступать нигде, мне это запрещено Соединенными Штатами Америки. Выступить – это подвергнуть риску свою жизнь и жизнь моих близких, и так будет, покуда я буду жива.

Всего десять минут до большой перемены. Бэль не терпелось увидеть Уоррена. Единственного, кому она могла пожаловаться. Он-то давно перестал жаловаться на то, что они изгои и прокляты. Она вернулась в главный корпус и села прямо на пол, напротив кабинета, где ее брат досиживал урок истории. С самого детства у Уоррена обнаружилась досадная привычка принимать школьное образование по собственному рецепту. Единственные два предмета, которые заслужили внимание с его стороны, были история и география. Первая – из уважения к истокам, вторая – ради защиты своей территории. Он с незапамятных времен ощущал необходимость понять устройство мира, то, какую он принял конфигурацию до его рождения. Уже в Ньюарке он с любопытством относился к предкам, к предшественникам, к личной части большой Истории. Откуда пошел его род и отчего он покинул Европу? Как Америка превратилась в Соединенные Штаты? Почему у австралийской родни такой странный акцент? Как удалось китайцам насаждать китайские кварталы по всему миру? Отчего у русских теперь собственная мафия? Чем больше он накопит ответов, тем лучше подготовится к управлению империей, которую завоюет в будущем. А как же другие предметы? Какие другие предметы? Грамматика – дело адвокатов, цифры – дело бухгалтеров, а физкультура – телохранителей.

Программа школьного года включала среди прочего краткий обзор международных отношений перед Второй мировой войной и затем основные события самой войны по всей Европе. В то утро преподаватель рассказывал им о подъеме фашизма в Италии и о том, как Муссолини пришел к власти.

– Поход на Рим состоялся в тысяча девятьсот двадцать втором году, Муссолини входит в правительство. В тысяча девятьсот двадцать четвертом, после убийства социалиста Маттеотти, он устанавливает диктатуру. Он создает в Италии тоталитарное государство, мечтает о колониальной империи, по модели античного Рима, и отправляет войска на завоевание Эфиопии. После того как

Франция и Великобритания осуждают его африканские аннексии, Муссолини сближается с фюрером. Оказывает поддержку войскам Франко во время гражданской войны в Испании. Вплоть до конца войны он не встретит никакого сопротивления. Тем временем во Франции...

История шла своим чередом под отсутствующими взглядами двух десятков учеников, с нетерпением ждущих встречи с рыбой в панировочных сухарях, которую всегда подавали по пятницам. День казался еще теплее, чем накануне, в такие дни уже явно чувствуется приближение лета. Желая восстановить историческую истину, Уоррен поднял руку.

- А как же операция «Стриптиз»?

Слово «стриптиз» в самый неожиданный момент разбудило класс. Все восприняли его как самую настоящую провокацию – меньшего и не ожидали от новичка, который сумел построить парней в три раза больше себя.

- Что ты имеешь в виду?

- Вы сказали про Муссолини: «Вплоть до конца войны он не встретит никакого сопротивления» – но это если не считать операции «Стриптиз».

Прозвенел полуденный звонок, но чудесным образом все остались на местах. Господин Морван не имел ничего против, если ученик сообщал ему что-то новое по его предмету, и предложил Уоррену рассказать, что он знает.

- Я не думаю, что ошибусь, сказав, что американцы с сорок третьего года пытались высадиться на Сицилии. Тогдашнее ЦРУ знало, что мафия – единственная антифашистская сила страны. Во главе ее стоял дон Калогеро Видзини, который поклялся, что прикончит дуче. Именно ему американцы хотели поручить организацию высадки, но, чтобы добраться до него, надо было втереться в доверие к Лаки Лучано[2 - Чарли Лаки Лучано (настоящее имя – Сальваторе Лукиниа) – глава нью-йоркской мафии.], который только что сел на пятьдесят лет в одну из самых суровых тюрем Соединенных Штатов.

Уоррен хорошо знал, что было дальше, но сделал вид, что роется в памяти. Господин Морван подбодрил его, одновременно любопытствуя и забавляясь. Уоррен спросил себя, не слишком ли далеко он зашел.

– Его выпустили из тюрьмы, одели в форму лейтенанта американской армии и доставили на Сицилию на подводной лодке в сопровождении типов из секретных служб. Там они имели беседу с доном Кало, который согласился через три месяца подготовить им место для высадки.

Едва он договорил, как одни бросились к выходу, а другие стали задавать вопросы, изумленные тем, что гангстер смог участвовать в войне на стороне союзников. Уоррен заявил, что больше ничего не знает, темные закоулки истории, конечно, вызывали у него особый интерес, но некоторые детали он предпочитал обходить молчанием. Когда ребята спрашивали у него, что же стало с Лаки Лучано, Уоррен услышал другой вопрос: может ли бандит оказаться в учебнике по истории?

– Если вас это интересует, есть куча интернет-сайтов, которые обо всем этом рассказывают, – сказал он и направился к выходу.

Господин Морван на минуту задержал его и дождался, когда класс опустел.

– Это твой отец?

– Что мой отец? – почти выкрикнул Уоррен. Зачем ему понадобилось рассказывать про подвиги самого Лучано, его второго кумира после Капоне? Сколько раз предостерегал их Квинтильяни, что, каковы бы ни были обстоятельства, необходимо избегать рискованных тем: на все упоминания о мафии и ее американской ветви коза nostra, отделившейся от сицилийской, налагался формальный запрет. Вздумав пускать пыль в глаза одноклассникам, Уоррен, возможно, обрек свою семью на новые скитания, и это спустя месяц после того, как они распаковали чемоданы.

– Говорят, у тебя отец – писатель и поселился в Шолоне, чтобы работать над книгой о Второй мировой войне. Это он тебе рассказал?

Мальчик ухватился за протянутую соломинку: отец спасал его от провала. Отец, неспособный запомнить даты ни Второй мировой войны, ни рождения собственных детей, отец, неспособный нарисовать контуры Сицилии или даже сказать, почему Лучано получил прозвище Лаки – Счастливец. Титул самозваного писателя спас его сына от промашки.

– Он объясняет мне разные штуки, но я не все запоминаю.

– А что стало с Лучано потом?

Уоррен понял, что ему не отвертеться.

– Он основал гигантскую героиновую трубу, которая до сих пор орошает все Соединенные Штаты.

* * *

В конце дня Магги нашла в себе мужество заняться приготовлением барбекю, на которое Фред созвал всю округу. Разве есть способ лучше познакомиться с людьми, Магги? Войти в их круг, стать своими. Ей пришлось признать, что первый шаг навстречу соседям избавит их от большой доли недоверия и создаст благоприятный климат. И все же она подозревала, что мужу хочется опробовать на публике свою новую идею фикс: поизображать писателя.

– Магги, – завопил он снова из глубины веранды, – дождусь я, в конце концов, чая или нет?

Расставив локти по обе стороны от «Бразер-900», уткнувшись подбородком в сплетенные пальцы, Фред размышлял над загадкой точки с запятой. Точку он знал, запятую знал – но точка с запятой? Как может фраза одновременно кончаться и продолжаться? Что-то у него в голове стопорилось, отказывалось представить конец продолжения, или продолжение конца, или вообще что-то среднее, поди знай. Что бы такое в жизни могло соответствовать этой схеме? Смесь вечного страха смерти с неодолимым соблазном? Что еще? Хорошая чашка чая дала бы ему время все обдумать. Неожиданно Магги решила удовлетворить его каприз – с единственной целью украдкой взглянуть на страницы, которые он целый день покрывает буквами. Обычно увлечения Фреда долго не длились и исчезали бесследно – ничего похожего на теперешнюю комедию, которую он ломал сам перед собой. Фред решил стукнуть на пробу по этой точке с запятой.

По зрелом размышлении эта точка с запятой показалась ему настолько темной, настолько двуличной, что он принялся замазывать запятую белилами, не трогая точку.

И тут раздался жуткий крик Магги.

Он вскочил, опрокинув стул, кинулся в кухню и увидел жену, застывшую с чайником в руке: струя, которая лилась из крана, была коричневато-желтой, липкой и источала гнилостный запах.

* * *

Часам к пяти Магги поставила галочки против списка салатов и закусок, предполагавшихся для барбекю. Не хватало только колслоу и зити, без которых в окрестностях Ньюарка был немислим приличный прием с барбекю. Она на миг остановилась, охваченная угрызениями совести, посмотрела на часы, потом глянула на домик под номером девять, расположенный как раз напротив их дома. За окнами второго этажа виднелась неподвижная человеческая фигура, похожая на манекен из папье-маше. Она схватила алюминиевую миску и наполнила ее маринованными перцами, в другую миску запихнула две головки моцареллы, сложила все в корзинку, не забыв про красное вино и ломоть деревенского хлеба, бумажные салфетки и приборы. Она вышла из дома, перешла улицу, незаметно махнула рукой в направлении фигуры, вошла в калитку и направилась к черному ходу. На первом, нежилом этаже еще пахло затхлостью, там не успели по-настоящему проветрить со дня въезда трех новых жильцов одновременно с Блейками. На втором этаже располагались личные комнаты членов группы, ванная с душевой кабиной, необходимый хозяйственный блок со стиральной машиной и сушилкой и очень большая гостиная – главная арена действий.

– Мальчики, вы, должно быть, проголодались, – сказала она.

Лейтенанты Ричард ди Чикко и Винсент Капуто с благодарностью улыбнулись ей в ответ. Одетые в безупречные серые костюмы и голубые рубашки, за последние два часа они не произнесли ни слова. Гостиная, оборудованная всем

необходимым для наблюдения за домом Блейков, включала пульт прослушивания, две пары биноклей 80?20 на треногах, телефонную подстанцию с прямой линией связи с Соединенными Штатами, несколько параболических микрофонов, раскладушку и постоянно запертый на замок ящик, в котором лежали автомат, оптическая винтовка и два пистолета. Ричард, проснувшийся от прихода Магги, до этого весь день тянул холодный чай и ни о чем не думал, разве что изредка о невесте, которая, с учетом разницы во времени, именно в эту минуту входила в свой отдел досмотра авиагрузов в аэропорту Сиэтла. Винсент же стучал по игровой приставке так, что онемели кончики пальцев. И раз уж на то пошло, посетительница была права: да, они проголодались.

- Что там вкусенького у вас в корзине, Магги?

Она достала миску с перцами и поставила ее на колени. Парни внезапно замерли, охваченные нелепым волнением. Эти перцы с запахом масла, к которому примешивался чеснок, возвращали их к родной земле. Жесты Магги напоминали жесты матери. Ди Чикко и Капуто цеплялись за эти ощущения, чтобы не чувствовать себя вконец осиротевшими с тех пор, как стали выполнять это задание за границей. Вот уже скоро пять лет им предоставлялось по три недели отгулов за каждые два месяца работы, и чем тяжелее было дожидаться смены, тем чаще в их взглядах угадывалась тоска изгнанников. Ди Чикко и Капуто ни в чем не провинились, им не надо было искупать ничего, что оправдало бы ссылку без надежды на возвращение. Магги считала их жертвами, а не шпионами, которым поручено следить за ее повседневной жизнью. Она чувствовала потребность иногда доставлять им радость, как это умеют только женщины.

- Маринованный перец, как вы любите, с кучей чеснока.

Магги заботилась о них, как о близких людях, потому что они и были близкими в настоящем смысле слова, они никогда не удалялись от входа в дом больше чем на тридцать шагов и ночью сменяли друг друга, чтобы сторожить их. Они знали семейство Блейков лучше, чем сами Блейки. Один Блейк мог иметь секреты от другого Блейка, но не от ди Чикко и Капуто, ни тем более от Квинтильяни, их шефа.

Они разделили порцию и молча принялись за еду.

- Квинтильяни предупредил вас насчет барбекю сегодня вечером?

- Ему идея очень понравилась, он, может быть, зайдет ближе к концу.

В отличие от своих агентов, Квинтильяни оставался мобильным при любых обстоятельствах. Частые поездки в Париж и обратно, регулярные отлучки в Квантико, место расположения ФБР, и иногда молниеносные наезды на Сицилию для координации операций против мафии. Блейки никогда ничего не знали о его перемещениях, он появлялся и исчезал, когда они меньше всего ожидали.

- Надо было устроить барбекю в Кань, собрать разом всех любопытных и избавиться от них раз и навсегда, - сказал ди Чикко.

- Попробуйте тоже прийти, - сказала Магги. - Я сделала зити, а Фред займется стейками и салсиссой.

- Вся округа в курсе, народу будет много.

- Не беспокойтесь, на вас еды всегда хватит.

- Масло то же, что вы всегда берете? Оно здесь продается? - спросил Винсент, вытирая хлебом дно миски с перцами.

- У меня остался бидон из нашего итальянского магазинчика в Антибе.

При упоминании о магазине «Ла Ротонда» в Старом городе возникла пауза.

- В жизни не думал, что придется жить в стране, где главная еда - сметана, - сказал Ричард.

- Не сказать, что невкусно - я ничего не имею против, но у нас желудок не привык, - подхватил его коллега.

- Вчера в ресторане даже в суп сметану положили, а потом еще на эскалоп и под конец на яблочный пирог.

- Не говоря о сливочном масле.

- Сливочное масло! *Mannaggia la miseria!* - воскликнул Винсент.

- Сливочное масло - это ненатуральная пища, Магги.

- Что вы имеете в виду?

- Человеческому организму не вынести столкновения с жирным веществом такого калибра. Только представлю себе, как оно стекает по стенкам желудка, и в пот бросает.

- Попробуйте моцареллу, чем говорить всякие глупости.

Винсент не заставил себя упрашивать, но с мысли не сбился.

- Сливочное масло пропитывает ткани, все забивает, застывает коркой, накапливается, аорта у человека становится как хоккейная клюшка. Оливковое масло коснется ваших внутренностей и стекает, оставляя за собой только свой аромат.

- Растительное масло даже в Библии есть.

- Не беспокойтесь, - сказала Магги, - я буду продолжать баловать вас нашей кухней, мы объявим сопротивление сливочному маслу и сметане.

В соответствии с ритуалом, установившимся два или три года назад, Магги приступила к вопросам о соседях. Из соображений безопасности ФБР имело подробное досье почти на всех жителей улицы Фавориток и окрестностей. Магги не могла удержаться от расспросов про тех и других, интересуясь жизнью тех, с кем она встречалась каждый день и о ком хотела узнать, не прибегая к близкому знакомству. Любопытство досужей кумушки? В действительности ни одна сплетница мира не имела в своем распоряжении таких технических средств.

- А что за люди живут в доме двенадцать? - спросила она, направив на него подзорную трубу.

– Жена – клептоманка, – сказал ди Чикко, – в Эвре ее не пускают в торговый центр. Мужу сделали третье шунтирование. Про детей сказать особенно нечего, разве что младший останется на второй год.

– Нелегкая у них жизнь, – сказала она с грустью.

Из подвала Фред смотрел на улицу в низкое окно и угадывал сцену, которая разыгрывалась напротив. Видеть, как его жена любезничает с этими двумя специалистами по копанию в чужом дерьме, а тем более их кормит, – это приводило его в бешенство. Пускай они годами живут бок о бок, они никогда не будут в том же лагере, что и он, и пока он жив, он сумеет им это показать и держать их на расстоянии.

– Пошли ты их на фиг, Магги...

Лежащая на подушках Малавита, которая только что проснулась, с недоумением следила за суетящимся в подвале хозяином. Фред стоял, зажав в руке разводной ключ, и переживал одну из тех ситуаций, когда мужчина чувствует, что его мужское достоинство поставлено на карту. На его лице выражалось то самое замешательство, которое испытывает человек, глядя под капот своей машины или пытаясь разобраться в электрощите. Он возился с водопроводной разводкой и счетчиком расхода воды, чтобы хоть как-то объяснить жене, почему из крана на кухне течет тухлая вода. Он надеялся, как и многие другие, устранить проблему самостоятельно, совершить маленькое хозяйственное чудо, вызвав тем самым уважение близких. Он стукнул гаечным ключом по трубам, как пнул бы колесо, поскреб ржавчину, попытался найти смысл в путанице труб, уходивших в замшелый камень. Стряпать на кухне ему казалось гораздо менее унижительным делом, чем что-то мастерить; даже если ему случалось посещать хозяйственные магазины, то приобретенные товары использовались не по прямому назначению, ибо дрель, электропила и молоток гораздо эффективнее применять для разрушения, чем для созидания. Он снова поднялся в кухню, где Магги уже вернулась к работе и произнесла фразу, которой он опасался («У нас есть телефон водопроводчика?»), положил на тарелку перцев и унес к себе на веранду.

Магги привлекла детей к работе, как только те вернулись из лицея, младшего – резать овощи, старшую – готовить все в саду, накрывать и украшать. Ожидалось больше тридцати человек, иначе говоря, треть обычного числа приглашенных на барбекю, которые они в свое время устраивали в Ньюарке. Раз в месяц, с апреля

по сентябрь, и никому не приходило в голову уклониться. Наоборот, каждый раз обнаруживались новые лица, использовавшие их приемы как шанс неприметно проникнуть в дом.

- Что здесь, в Нормандии, кладут на гриль? - спросил Уоррен.

- Мне кажется, бараньи котлетки, а в качестве гарнира этот их салат из редиски, картофеля и творога.

- Мой любимый, - сказала Бэль, проходя по кухне.

- Если б мы им это сготовили, была бы просто катастрофа, - сказал Уоррен. - Мы подадим им то, чего они ждут.

- В смысле?

- Американскую жратву. Большую жирную жратву янки. Мы не должны их разочаровать.

- Очень аппетитно, сынок. Так и хочется превзойти себя.

- Они хотят не еду, а порнографию.

Магги немедленно прекратила тереть пармезан и, не найдя достойного ответа, запретила Уорре ну произносить это слово.

- Мама, - сказала Бэль, - может быть, твой сын использует слово «порнография» не в том смысле, в котором ты себе представляешь.

- Французам надоела утонченность и низкокалорийность, - не унимался Уоррен, - им только об этом и твердят весь день. Готовь на пару, овощи отваривай, рыбу запекай, воду пей с газом. Мы снимем с них чувство вины, мама, мы дадим им жирного, сладкого, вот чего они от нас ждут. Они пойдут жрать к нам, как ходят в бордель.

- Поосторожней со словами, паренек! При отце ты бы не посмел так говорить.

– Папа со мной согласен. В Кань я застал его как-то за изображением типичного американца, людям только того и надо было, они чувствовали себя рядом с ним просто гениями.

Продолжая слушать разглагольствования сына, Магги добавляла последние штрихи к картофельному салату по-мексикански, перемешивала салат «Цезарь», сливала воду из зити и заливала их томатным соусом. Уоррен попробовал еще дымящуюся макаронину прямо из огромного салатника из прозрачной пластмассы.

– Паста отличная, но она выдаст нас, мам.

– ?

– Они догадуются, что, прежде чем стать американцами, мы были итальяшками.

С крайне озабоченным видом на кухню влетел Фред. Уоррен и Магги смолкли. Точно так же как сын, он схватил макаронину, вдумчиво разжевал ее, кивнул жене и спросил, где мясо, которое ему потом надо будет жарить. В этот раз он мясо не покупал и поэтому рассеянно оценил товар взглядом, прикинул несколько стейков на руке, принялся к фаршу. На самом же деле он покинул кабинет, чтобы дать себе время обдумать один упорно не дававшийся ему пассаж.

Фред пробуксовывал на определении слова «раскаявшийся» и понимал, что излагает тяжеловесно, неловко, но был по большому счету не в силах что-то изменить. Однако он чувствовал тут параллель со своей жизнью – очень точную, очень четкую.

– Я встану за гриль часов в шесть, – сказал он, – надо закончить главу.

Он с самым серьезным видом вернулся к себе на веранду, куда сегодня вечером доступ для публики будет закрыт.

- Главу? Он что конкретно имеет в виду?

Не знаю, - ответила Магги, - но для выживания рода лучше никого в курс не вводить.

* * *

Три часа спустя сад едва мог вместить соседей, которые не пропустили бы происходящее ни за что на свете. Все готовились гулять допоздна и в полную силу насладиться необыкновенно теплым для этого времени года вечером, идеальной погодой для садовой вечеринки. По такому случаю были предприняты даже некоторые усилия по части гардероба - женщины обновили летние платья, белые и яркие наряды, мужчины облачились в лен и рубашки с короткими рукавами. Буфет, заставленный салатниками и разными соусами, был устроен в глубине сада, по обоим его краям стояло по бочонку белого и красного вина. Любопытные поглядывали на стоявший в нескольких метрах поодаль и пока еще холодный гриль, всем не терпелось увидеть, как он превратится в горнило. Магги встречала гостей радушно, направляла их к стопке тарелок, давала заготовленные ответы на ожидаемые вопросы и выражала полное счастье жить в Нормандии, столь много значившей для поколения их родителей. Она показывала дом, представляла каждого из прибывших детям, которым было дано указание по-честному делить их между собой и забавлять как могут. Она приняла все приглашения в гости, в том числе приглашение посетить квартальную ассоциацию по борьбе с уплотнительной застройкой, и записала ряд адресов. Как могли гости предположить, что скоро в их жизни не останется секретов от Магги?

Бэль нравилась людям больше, чем ее брат. Бэль нравилась всегда, мужчинам и женщинам, молодым и не очень, даже тем, кто боялся ее красоты, как будто мучился от нее. Она умела меняться ролями и играть роль гостыи, позволять за собой ухаживать, отвечать на вопросы. Бэль достаточно было оставаться самой собой и представлять, что она выступает перед своей публикой. Зато Уоррена, зажато в угол группой взрослых, уже терзали беседой. С тех пор как он приехал во Францию, ему задавали тысячи вопросов про американскую культуру и образ жизни, так, что он смог отметить самые распространенные из них: что

такое home run? А quaterback? Можно ли действительно жарить пастилу на огне? Есть ли в кухонных раковинах измельчитель отходов? Что означает trick or treat? и т. д. Некоторые вопросы его удивляли, некоторые – нет, и под настроение ему случалось опровергать некоторые штампы или подтверждать их. Сегодня, против всякого ожидания, никто не навязывал ему этой роли, а наоборот, ему самому пришлось выслушивать нескончаемые рассказы тех, кто туда съездил. Начиная с соседа, который вернулся с нью-йоркского марафона.

– После забега пошел я пообедать в «Олд Хомстед Стейк Хауз», на углу Пятьдесят шестой и Девятой улицы, знаешь?

Между нулем и шестью годами Уоррен ездил в Нью-Йорк не больше десяти раз: на каток, в игрушечный магазин, в госпиталь – на консультацию к пульмонологу, но уж точно не в ресторан, тем более мясной, даже названия которого он никогда не слышал. Поэтому он промолчал, но мужчина и не ждал его ответа.

В меню было всего два блюда: стейк до фунта и стейк больше фунта. Мне предлагали выбрать между куском мяса меньше полкило и больше полкило. Как ни пуст был мой живот после сорока двух километров, которые я пробежал на своих двоих, я взял меньше фунта и половину не доел.

Другой оттолкнулся от этого анекдота, чтобы выложить свою историю – воспоминание об обеде в Орландо.

– А я прилетаю в аэропорт, я был один, захожу в пиццерию и вижу в меню три вида пиццы: большая, маленькая и средняя. Я так хотел есть, что заказал большую. Официант спросил меня, сколько нас человек, я отвечаю: один. Тут он как захохочет. «Возьмите маленькую, только вам ее не съесть», – говорит. И он оказался прав: не пицца, а колесо от грузовика!

Уоррен покорно улыбался и впадал в отчаяние оттого, что ему нечего было возразить. Размер порций – вот все, что запоминалось от посещения его страны. В качестве подтверждения третий заставил их вернуться в Нью-Йорк, на вокзал Гранд-Сентрал.

– Мне сказали, что там поразительные морепродукты. Я отправился в «Джон Фансис», который мне рекомендовали как лучший рыбный ресторан города. Ужасное разочарование: там не нашлось ничего, кроме совершенно банальных

вещей, морепродукты гораздо лучшего качества можно найти в «Таверне» у нас в Эвре. Я иду на вокзал, чтобы сесть в экспресс на Бостон, где у меня была встреча с коммерческим директором фирмы. Час дня, до поезда куча времени. Я гуляю по подвальному этажу этого гигантского вокзала и натываюсь на устричный бар. Устрицы размером с бифштекс! Створки раковины – ну что твои пепельницы! В жизни такого не видал! Под стать вокзалу! Уоррен, ты бывал в устричном баре?

Уоррен чуть не выложил то, что у него лежало на сердце: мне было восемь лет, когда мою семью выдворили из пятидесяти штатов Америки. Ему все труднее было смиряться с тем, что в нем видят будущего толстяка с интеллектом ниже, чем у моллюска в устричном баре, готового на все ради своего бога доллара, этакое безграмотное существо, считающее, что оно имеет право царствовать над миром. Он хотел сказать, как ему не хватает дома детства и окружающего мира, товарищей, живущих по соседству, и звездного флага, который его отец столько лет втапывал в грязь. Уоррен жил внутри странного парадокса: он мог плакать, слушая американский гимн, и одновременно готовился создать внутри Штатов свой мафиозный штат, урегулировать отдельные проблемы, которые не давались политикам, и, может быть, когда-нибудь заполучить свое место за столом в Белом доме.

Ускользнуть от этой беседы Уоррен мог, только дождавшись единственного события, способного вызвать всеобщее внимание: выхода отца. Но главное лицо сидело затворником на веранде, при плотно зашторенных окнах, и заставляло себя ждать. Магги чувствовала, как в ней закипает гнев. Фред свалил на нее всю работу, а жаровня так и не зажжена. Одни гости принимали его отсутствие как должное, веря, что писателю, хоть американскому, хоть какому, положено обставлять свое появление на публике по-особому.

Все ошибались.

Фред Блейк, сидя в позе Мыслителя, с волнением перечитывал параграф, который не давался ему несколько часов. Воспоминания подступили так близко, и срочная потребность записать их заставила его забыть про сорок пять человек, которые с нетерпением ждали с ним встречи.

Именно в этот момент он не изображал писателя на забаву публике, он чувствовал, что проходит самый первый этап работы, которая, может быть, придаст смысл всему, что он вынес, пережил и заставил пережить других.

- Сходи посмотри, что там делает твой чертов папаша!

Бэль скользнула на веранду и обнаружила там Фреда – молча и неподвижно склоненного над машинкой.

На секунду ей показалось, что он мертв.

- Тебя ждут, папа. Так ты будешь разжигать огонь?

Он очнулся, привлек к себе дочь и крепко сжал ее в объятиях. Написание последней страницы совершенно вымотало его, исповедь делала его ранимым, и впервые за долгое время он почувствовал огромное облегчение, обнимая такое невинное существо. Они вышли к людям, он широко улыбался, из-под его руки выглядывала Бэль, гордясь своим отцом, и все лица повернулись к ним. Он поприветствовал гостей, извинился за опоздание, произнес несколько удачных шуток, чтобы расположить к себе соседей. Он подошел к грилю, где ему поднесли бокал бордо, прочувствованно выпил его маленькими глотками, не переставая готовить гриль в окружении горстки мужчин, пришедших ему на подмогу. Через сорок минут все куски мяса будут прожарены и начнется пир.

Беспреестанно и без приглашения являлись все новые и новые гости, от соседей слух распространился к соседям соседей, происходящее все более напоминало балаган. Удивленные таким оборотом дела и внезапной популярностью Блейков, лейтенанты ди Чикко и Капуто связались с Томом Квинтильяни по мобильному телефону, прежде чем предпринимать что-то по своему почину. Шеф мчался по автостраде из Парижа и обещал быть на месте в течение получаса, а пока советовал им явиться на место и смешаться с гостями. Тогда они покинули пункт наблюдения и присоединились к празднику так, что никто не обратил на них внимания. Ричард для начала наложил себе полную тарелку еды и стал без зазрения совести уплетать ее.

– А что, нельзя, что ли?

– Если будешь стоять как дурак, руки по швам, тебя быстро вычислят.

Аргумент возымел действие, и Винсент заработал локтями, прокладывая себе путь к зити.

Малавита с любопытством прислушалась к шуму, доносившемуся в подвальное окно, ее тоже потянуло выйти в свет. Мгновенье она как будто раздумывала – стоя, широко раскрыв глаза, вывалив язык. По зрелом размышлении она предпочла снова уснуть: ничего хорошего из такого тарарама все равно не выйдет.

Вечер и дальше мог бы идти в атмосфере спокойной и ничем не замутненной радости, если бы Фред вдруг резко не стал жалеть. Жалеть обо всем.

Пять человек – одни мужчины – стояли полукругом возле жаровни и неотрывно смотрели на угли, которые отказывались разгораться, несмотря на сухую погоду, мудреное оборудование и усилия хозяина дома, съевшего собаку на приготовлении барбекю.

– По-другому надо было... Больше мелких щепок кладите, господин Блейк, рано вы уголь положили.

Говоривший имел на голове панамку и в руке банку пива, жил через два дома, его жена принесла пирог с оливками, а дети с криками бегали вокруг стола с едой. Фред одарил его улыбкой, которую едва ли можно было счесть любезной. Стоявший рядом холостяк, державший в центре городка агентство по недвижимости, подхватил с лету:

– Все вообще надо делать не так. Я вот не кладу древесный уголь, а разжигаю точно как камин, по времени выходит дольше, но уголь получается гораздо лучше по качеству.

– Надо делать не так, – принял эстафету чиновник, член муниципального совета. – Вы пользуетесь спичками, а спички токсичны, это вам не шутка. К тому же от них никакого толку, разве не видно.

Сам того не зная, Фред испытывал на себе теорему универсального применения, которую он сформулировал следующим образом: если где-нибудь один мудак решает развести костер, всегда найдется четверо других, чтобы объяснить ему, как это делать.

– Не скоро мы попробуем эту печеночную колбасу, – засмеялся последний и, не удержавшись, добавил: – Ничего у вас не выйдет с вашим поддувалом, я пользуюсь старым ручным феном.

Фред перевел дух, помассировал веки: его душила дикая вспышка ярости. В самый неожиданный момент Джованни Манцони, худший из людей, которыми он когда-либо был, взял верх над Фредом Блейком, свободным художником и местной достопримечательностью. Когда один из пяти мужиков, скучившихся вокруг огня, позволил себе заметить, что единственный выход теперь – плеснуть керосина, Фред представил, что тот стоит на коленях и просит пощады. Он просил даже не пощады, а избавления от мук, просил, чтобы его прикончили. Джованни встречался с такой ситуацией несколько раз в жизни и не мог бы забыть того совершенно особого стопа, с которым человек просит смерти, что-то вроде долгого воя, сходного с воем сицилийских плакальщиц, – песнь, которую он узнал бы среди тысячи других по единой ноте. Ему бы хватило пяти минут, чтобы так же запел мужик, стоявший в двадцати сантиметрах от него, небрежно скрестив руки на груди. Что касается муниципального советника, то он медленно агонизировал, корчившись в холодильнике в одном белье, как когда-то ирландец Кассиди, глава нью-йоркского профсоюза портовиков. Советнику муниципалитета досталось даже хуже, чем Кассиди, которого завалили куриными грудками, и он больше двух часов колотил в стенку морозильника, прежде чем отдать Богу душу и отпустить с поста Коррадо Мотта и Джованни, сидевших на крышке морозильника и развлекавшихся игрой в карты в ожидании, пока он преставится.

Не подозревая о невиданных пытках, которым подвергал его Джованни, человек в панамке сказал:

– Оно вообще не разгорится, там, наверно, остатки золы.

Фред мысленно перенесся в очень далекие времена: ему двадцать два года, босс дает ему приказ примерно наказать Лу Педоне, одного из посредников «пяти семейств», позволившего, в обмен на толстую пачку наркодолларов, зацепиться на Канал-стрит китайской триаде. В качестве вендетты и для урока

остальным Джованни проявил недюжинную изобретательность: голову Лу обнаружили плавающей в аквариуме ресторана «Серебряная пагода», на углу Мотт и Канал-стрит. Самое удивительное – посетители ресторана только через несколько часов заметили, что аквариум смотрит на них остекленевшими глазами. Фред, теперь суевающийся и пихающий тысячи спичек под скомканную бумагу, увидел, как голова человека лежит в аквариуме, а нелепая панамка плавает на поверхности воды. Но испытание на этом не кончилось: другой тип, до того момента хранивший молчание, схватил поддувало и явочным порядком решил исправить положение, не спрашивая на то разрешения Фреда, гордость которого уже и так понесла в тот день немалый урон. Теперь ему понадобились чудовищные усилия, чтобы не схватить несчастного за волосы, не ткнуть лицом в гриль и не воткнуть ему шампур так, чтоб он в одно ухо вошел, а из другого вышел.

– Да уж, господин Блейк! Фразы небось писать легче, чем огонь разводить. Нельзя быть талантливым во всем.

В нескольких шагах от него Уоррен, по-прежнему маявшийся в плену разговора об американской кухне, вдруг услышал обращенный к нему вопрос, над которым он никогда не задумывался:

– А что такое настоящий гамбургер?

– Настоящий гамбургер? В смысле?

– Наверняка должен быть оригинальный рецепт. Надо ли класть кетчуп? Огурцы? Салат? Лук? Всегда ли мясо должно быть обжарено на гриле? Надо ли гамбургер кусать, или его едят вилкой и ножом, раскрыв пополам? Что вы об этом думаете?

Уоррен ничего особенного об этом не думал, но ответил то, что пришло в голову:

– Настоящий американский гамбургер – жирный, если хотят жирного, огромный, если хотят наесться вдоволь, с кучей кетчупа, если вам плевать на диабет, с луком, если плевать на запах изо рта, и с горчицей, которую смешивают с кетчупом, если кто любит такой цвет, с листиком салата – для смеха, а если вздумается, можно добавить сыра, жареного бекона, щупальцы омара и пастилу, и тогда получится настоящий американский гамбургер, потому что мы,

американцы, такие.

Магги, со своей стороны, отлично вела свою роль, эта барбекю-вечеринка была ничто по сравнению с некоторыми приемами на высшем уровне, которые она организовывала по приказу Фреда. Все тогда проходило при посредничестве супругов, которые передавали приглашения мужьям и распределяли их среди тех, кому полагалось. Барбекю у Манцони было не чем иным, как совещанием представителей мафии, одобренным несколькими котлетками. Там принимались решения, о которых Магги предпочитала не знать. Ей даже выпало дважды принимать у себя самого дона Мимино, *capo di tutti capi*, который лично передвигался только в случае войны между семьями. В такие вечера ничто не должно было вызывать проблем, а идти тихо и размеренно, в обстановке откровенной и дружеской. Приходилось проявлять даже не дипломатию, а шестое чувство, приглядывать за всем и следить, чтобы мужчины могли без помех решить свои дела, а иногда и судьбу одного из себе подобных, закатав его в цементный блок. Магги отлично справлялась с таким упражнением. Чего было опасаться с ее многолетним опытом и среди французских гостей, которых погрешности ее вкуса только забавляли?

Между тем угли в конце концов вспыхнули, положив конец саркастическим замечаниям. Куски мяса жарились рядом с сосисками и благоухали, возбуждая аппетит гостей, которые все в большем числе подходили к огню. Фред понемногу расслаблялся, успокоенный тем, что в конце концов справился и разжег жаровню, несмотря на общее недоверие. Человека в панамке спас случай: сам того не зная, он был на волосок от чудовищной смерти, которая навеки прославила бы мирный город Шолон. Он даже попробовал мясо одним из первых и не смог удержаться от замечания:

– Хорошее мясо, месье Блейк, но все-таки надо было вам сначала подождать, пока угли хорошенько разгорятся, а уж потом выкладывать стейки.

У Фреда не оставалось выбора – мужчина в смешной панамке должен был умереть безотлагательно и на глазах у всех.

В штате Нью-Джерси человек в нелепой панамке двух недель не прожил бы, его с детства научили бы держать язык за зубами или подрезали бы ножиком, заточенным как бритва, – вся операция заняла бы минуту, не больше. В Нью-Джерси, столкнувшись с настоящими плохими парнями вроде Джованни Манцони, человек в нелепой панамке живо излечился бы от злопыхательства,

враз отучившись подглядывать из-за чужого плеча с единственной целью давать комментарии. В Нью-Джерси господа всезнайки обычно доказывали свою правоту, не сходя с места, и желающих поучать оставалось немного. Джованни Манцони схватил кочергу, лежавшую на жаровне, крепко сжал ее в кулаке и стал ждать, когда человек в нелепой панамке обернется к нему и он нанесет ему удар в лицо, чтобы тот увидел, как смерть бьет его наотмашь.

И плевать, что Фред все разнесет вдребезги, что, убив этого человека, он подвергнет опасности жизнь близких, плевать, что теперь он уж точно вернется в тюрьму. Плевать, что меньше чем за двое суток пребывания в тюрьме его инкогнито будет раскрыто и дон Мимино даст приказ уничтожить его. Плевать, что вся история Манцони снова вылезет на первые полосы газет и что Магги, Бэль и Уоррен не переживут такого позора и ненависти. Смерть и разорение семьи были ничто по сравнению с непреодолимым желанием заставить навсегда заткнуться человека в нелепой панамке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/tonino-benakvista/malavita/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Глава всех глав (ит.).

2

Чарли Лаки Лучано (настоящее имя – Сальваторе Лукиниа) – глава нью-йоркской мафии.

Купить: <https://telnovel.com/tonino-benakvista/malavita-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)